

Книга Анны Гладковой написана в рамках метода естественного семантического метаязыка (ЕСМ), основоположником которого является Анна Вежбицка, и ставит перед собой две основные цели: 1) доказать целесообразность использования русской версии ЕСМ и мотивировать предлагаемые автором русские соответствия универсальным семантическим примитивам; 2) иллюстрировать возможности и преимущества метода ЕСМ в анализе культурной семантики на примере некоторых русских слов и выражений, обозначающих важные для русской языковой картины мира ключевые идеи. Книга состоит из девяти глав: первые две главы содержат вводную информацию, третья посвящена переводу на русский язык универсальных семантических примитивов, а также обоснованию выбора тех или иных русских слов в качестве таких универсалий, в главах с четвертой по восьмую представлен анализ некоторых русских слов и выражений и сравнение их с коррелятами в английском языке, девятая глава представляет собой теоретическое заключение.

В первых главах автор подробно обсуждает ЕСМ в контексте других семантических теорий, в частности концептуальной семантики, когнитивной семантики и некоторых других. Особое внимание уделяется Московской семантической школе (МСШ) как одной из наиболее близких ЕСМ семантических теорий. Автор демонстрирует сходства и различия между ЕСМ и МСШ в их понимании семантических примитивов, а также в их подходе к семантическому метаязыку толкований. Одним из основных преимуществ ЕСМ перед МСШ автор считает свободную возможность перевода толкований, написанных на метаязыке универсальных семантических примитивов, на другие языки. В качестве примера непереводаемости толкований, созданных в рамках МСШ, автор приводит толкование русского слова *жалость*, принадлежащее И.Б. Левонтиной и включающее в себя идиоматическое выражение 'душевная боль'.

Однако возникает вопрос: действительно ли это выражение так непереводаемо и непонятно, как это представляется автором? Или перевод возможен, но не должен быть буквальным? Ведь если непереводаемость действительно являлась таким непреодолимым камнем преткновения, то не существовало бы и хорошего художественного перевода с одного языка на другой, переводчик был бы связан по рукам и ногам отсутствием точных переводных эквивалентов. Однако искусство перевода в том и со-

стоит, чтобы подбирать эквивалент не напрямую, буквально, а как бы немного в стороне от точного словарного соответствия, ища элемент со сравнимыми коннотациями и ассоциациями, который будет передавать замысел оригинала и производить похожий эффект. Безусловно, перевод не является точным аналогом оригинала, однако во многих случаях он может давать вполне адекватное представление о нем.

Возвращаясь к примеру *pain of the soul* или *soul pain*, можно сказать, что, во-первых, у выражения *душевная боль* есть вполне приемлемые, достаточно близкие и при этом очень частотные английские аналоги: *heartache* и *emotional pain*. Таким образом, толкование вполне переводимо, если не принимать в качестве установки необходимость буквального перевода. Во-вторых, даже и выражение *pain of the soul* или *soul pain* не является непонятным и встречается в реальных англоязычных текстах. Возможно, оно не в такой степени освоено английским языком, как русским, и не имеет статуса совершенно стертой языковой метафоры, однако различие русского и английского языков в этом отношении все-таки представляется сильно преувеличенным. Метафорические выражения *soul pain*, *soul in pain* встречаются в реальных текстах достаточно часто, и опрос англоязычных информантов показывает, что они не затрудняются в их понимании. Что же касается самого наличия метафоры в толковании, то оно, как представляется, позволяет передать важный смысл, который ускользает при опоре только на семантические примитивы – а именно, болезненный характер неприятного чувства. Более того, если *душевная боль* и не является семантической универсалией, это во всяком случае очень широко распространенная языковая метафора для чувств типа сострадания, которая понятна при переводе на самые разные языки при условии подбора реального, а не буквального, переводного аналога. При этом, даже если метафора и не является универсально распространенной, это тоже не гарантирует ее непонимания! Мы ведь способны понимать авторскую метафору, метафору, которой НЕТ в нашем языке, которая создана со специальной установкой на необычность, на расширение границ наших представлений и чувств. Почему не отнестись подобным образом и к лингвоспецифичной языковой метафоре? Подобно тому, как авторская метафора позволяет нам лучше понять то, что хотел сказать автор, языковая метафора может быть не препятствием, а способом лучше понять «характер» другого языка.

Кроме того, представляется, что в принципе сопоставление толкований, написанных в рамках подхода МСШ и ЕСМ, с целью определения того, какой подход является лучшим, не вполне корректно, так как каждый из подходов имеет свои преимущества для определенного типа задач. Так, в толкованиях МСШ не ставится цели достичь универсальной переводимости на все языки. Однако подход МСШ, в котором метаязык толкований состоит не только из примитивов, но также и из семантически более сложных элементов (при этом необходимо, чтобы используемые в толковании смыслы были семантически проще, чем толкуемое слово), которые гораздо легче воспринимаются и не требуют длинных комментариев, делает его практически более приемлемым, в частности, для целей лексикографии. Кроме того, толкования МСШ в большей степени отражают представления об организации семантической системы языка в целом, о семантических, в первую очередь гипонимических и гиперонимических связях между словами, о семантической иерархии и о лексикографических типах слов.

В третьей главе рецензируемой книги вводятся и обосновываются русские эквиваленты, или «экспоненты» универсальных семантических примитивов. Здесь высказывается ряд тонких соображений о том, почему то или иное русское слово является лучшим экспонентом для того или иного семантического примитива, отчасти в рамках полемики с другими переводами работ Анны Вежбицкой о семантических примитивах. Особенно интересны в этом контексте рассуждения о различиях между семантическим примитивом *хотеть* и его синонимом *желать*, а также между неопределенными местоимениями типа *некто*, *нечто*, с одной стороны, и семантическими примитивами *кто-то*, *что-то*, с другой, которые автор иллюстрирует толкованиями, выполненными на языке ЕСМ.

Однако вызывает возражения толкование местоимения *Вы* через семантический примитив *ты* как соединение смысла 'ты' со смыслом '(b) я знаю, что когда я говорю что-то тебе, (c) я не могу не сказать что-то такое в то же время: (d) «я думаю что-то хорошее о тебе»'. Русское местоимение *Вы* маркирует не хорошее, а уважительное отношение, различие в статусах между говорящим и адресатом. Опора на семантический примитив в данном случае, вместо того, чтобы передавать смысл более точно, «смазывает» его, и представляется, что проблема семантической точности возникает не только в случае местоимения *Вы*. Семантика слова имеет много уровней; иногда семантические примитивы обнаруживают

ся «близко к поверхности», тогда толкования, составленные при помощи примитивов, адекватны (например, так устроены многие слова со значением эмоций). Однако некоторые понятия возникают на более высоком семантическом уровне, они изначально складываются не из примитивов, а из гораздо более сложных смыслов, и описывать их при помощи примитивов нецелесообразно, во всяком случае, в практической лексикографии. В таких случаях рационально опираться на уже описанные понятия и использовать их в качестве новых «строительных блоков».

Кроме того, обилие аллолексов (лексических вариантов) у некоторых слов, которые провозглашаются семантическими примитивами, вызывает вопросы относительно их подлинно универсального, а не культурно-специфического статуса: так, экспоненты примитива *happen* — это *происходить* и *случаться*, экспоненты примитива *in one moment* — *в один момент*, *моментально* и *мгновенно*. Представляется, что наличие нескольких переводных вариантов для одного примитива может свидетельствовать о семантически не-примитивном и не-универсальном статусе хотя бы некоторых из них, что отчасти признает и сам автор.

В четвертой главе книги А. Гладковой рассматривается глагол ментального состояния *считать* и прослеживается история его изучения в лингвистической литературе. *Считать* (в отличие от семантического примитива *думать*) описывается как культурно-специфичный глагол, так же как и слово *мнение*, в силу чего критикуется их употребление в качестве инструментов семантического анализа в МСШ.

В пятой главе сравниваются русские и англосаксонские представления о терпимости: детально анализируются слова *терпеть*, *терпимый*, *толерантный*, *to tolerate* и *tolerant*, предлагаются их сравнительные толкования, формулируются культурные идеи и нормы, важные для этих семантических полей в русском и английском языках. Для русского языка в качестве такой идеи постулируется особое, положительно оцениваемое, отношение к боли и дискомфорту, когда человек сознательно не реагирует на них, а для английского языка положительно оцениваемое ненавязывание другим людям своей точки зрения. Русское качество *терпимый* рассматривается скорее как характеристика отношений в личной сфере субъекта, в то время как англосаксонское *tolerant* — как более социально ориентированное качество. Вызывают сомнения некоторые утверждения относительно прагматики слова *терпимый*, основанные скорее на единичных примерах, нежели на статистическом исследо-

вании: так, трудно согласиться с тем, что это качество ассоциируется скорее с женщинами, чем с мужчинами, или же с тем, что, согласно «русской наивной аксиологии», оно «является необходимым качеством в межличностных отношениях». Второе утверждение носит скорее энциклопедический, а не языковой характер, что же касается первого, то его статус не совсем понятен.

В шестой главе рассматривается семантика сопереживания и предлагается сравнительный семантический анализ русских и английских слов этой сферы — *сочувствие*, *сострадание*, *сопереживание*, *sympathy*, *compassion*, *empathy*. При том, что эта сфера весьма детально разработана в уже имеющейся лингвистической литературе, автор делает новые и интересные наблюдения, особенно в том, что касается слова *empathy*, а также сравнительного анализа русских и английских переводных эквивалентов. Кроме того, представляется правильным также введение компонента ‘я хочу сделать что-то хорошее для этого человека’ в толкование слова *сочувствие*. Однако в предлагаемом толковании этого слова никак не отражен тот факт, что *сочувствие* очень часто выражается в вербальной форме, а не в поступке — в отличие от *участия*. Наконец, автор удаляет из толкования слова *сочувствие* компонент, указывающий на то, что субъект в какой-то мере разделяет чувства объекта (этот компонент выделялся во всех предыдущих описаниях этого слова). Это представляется ошибочным, тем более, что в тех случаях, когда *сочувствие* выражается в поступках, эти поступки иногда бывают направлены не собственно на помощь объекту эмоции, а именно на выражение сопереживания ему; ср. примеры из Интернета типа *В Индии из сочувствия к талибам взорвали завод Coca-Cola; Из сочувствия к узникам, вместо того, чтобы сбивать с них цепи — надевать такие же и на себя?; Удачливых предпринимателей из сочувствия к их конкурентам бойкотируют собственные клиенты; Из сочувствия к повалившимся даже сноубордисты из очереди приземляются на снег.*

Седьмая глава посвящена словам *молодец* и *умница* как способам выражения похвалы в русском языке, а также сравнению моделей похвалы детям в русской, англосаксонской и китайской культурных сферах. Во многом трактовка слов *молодец* и *умница* опирается на описание И.Б. Левонтиной из «Нового объяснительного словаря синонимов» под рук. академика Ю.Д. Апресяна, однако некоторые компоненты толкования вводятся впервые. В соответствии с семантикой слов *молодец* и *умница* автор выделяет две стратегии похва-

лы в русской культурной модели: похвала за что-то неожиданное и выходящее за пределы нормы (*молодец*) и похвала за соответствие социальным нормам (*умница*). Кроме того, рассматриваются английские выражения *good boy* и *good girl*, а также китайское *guāi*, которые также задают определенные, отличные от русской, модели поведения родителей с детьми.

В восьмой главе анализируется семантика притворства в русском и английском языках и сравниваются слова *притворяться*, *делать вид* и *to pretend*. Трактовка русских слов со значением притворства в некоторых ключевых аспектах опирается на описание Ю.Д. Апресяна в «Новом объяснительном словаре синонимов», однако во многом отличается от него. Автор вписывает русские представления о притворстве в общую картину русского языка и усматривает у слова *притворяться* негативную оценку, которая отражает общее культурно-специфичное негативное отношение к искажению действительности, связывая представления о *притворстве* с представлениями об искажении *правды*. Кроме того, автор включает притворство также и в русскую культурную парадигму положительного отношения к жалости, выделяя случаи притворства с целью вызвать сочувствие в качестве центральных для глагола *притворяться*. Основное различие в концептуализации «обманного поведения» в русском и английском языках автор видит в том, что в русском притворство связывается с представлениями о правде (что отражено в использовании семантического компонента ‘неправда’ в толковании глагола *притворяться*), а в английском — с представлениями о фактах и знании (что отражено в использовании семантического компонента ‘не так’ в толковании глагола *to pretend*). Это, с точки зрения автора, и обуславливает более негативное отношение к притворству в русской языковой картине, нежели в английской, где в притворстве часто усматривается игровое начало, а не неискренность. При том, что со многими наблюдениями и выводами автора хочется согласиться, трудно принять тезис об общей негативной оценке, характерной для *притворяться* в противоположность английскому *to pretend*. Как показано в описании Ю.Д. Апресяна, негативная оценка всегда свойственна глаголу *прикидываться*; что касается доминанты синонимического ряда *притворяться*, то она имеет и вполне нейтральные употребления (так, часто притворяются мертвыми животные с целью спастись от преследования).

В девятой главе кратко суммируется содержание книги, очерчиваются основные резуль-

таты и возможные области их будущего применения.

Несмотря на то что отдельные утверждения и выводы можно оспаривать, в целом книга написана на высоком теоретическом уровне, содержит большое количество интересных и новых лингвистических и культурологических наблюдений, а также содержательную полемику с предыдущими исследованиями. Она безусловно представляет собой существенный вклад в теоретическую семантику и этнолингвистику, продолжая знакомство русского читателя с теорией ЕСМ и предлагая его вниманию последовательно выполненное на языке ЕСМ описание многих важных ключевых слов

русского языка. Книга представляет интерес для самого широкого круга читателей, от специалистов по русскому и английскому языкам и межкультурной коммуникации до лингвистов, работающих в сферах теоретической семантики и лексикографии.

В.Ю. Апресян

Сведения об авторе:

Валентина Юрьевна Апресян
ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова
valentina.apresjan@gmail.com